

вообще хорошо выражена авторская позиция, но на этом стоит остановиться после обзора ее основного текста.

Книга «Креационизм США» состоит из семи глав, введения, заключения и послесловия. В тексте немало повторов, а введение с заключением представляют собой их концентрацию, поскольку лишь суммируют ключевые мысли автора, послесловие же объясняет термин *радикальный креационизм*, которым Лаатс обозначает протестантских фундаменталистов, настаивающих на идее младоземельного креационизма.

В первой главе Лаатс последовательно проводит мысль о том, что креационизм – не какая-то локальная субкультура, ограничивающаяся лишь протестантскими фундаменталистскими кругами, это религиозное убеждение, признающее, что жизнь на Земле была создана Высшим существом, и разделяется оно огромным количеством верующих и не особо верующих людей, иными словами, почти все американцы в той или иной степени могут быть названы креационистами. Для иллюстрации этого тезиса Лаатс разворачивает перед читателем панораму американского религиозного многообразия, поданную через призму отношения к проблеме происхождения жизни на Земле. Популярный образ креационизма, созданный во многом благодаря медийной активности радикальных младоземельных креационистов, чьим лидером сегодня в Америке является Кен Хэм, создает превратное впечатление простой оппозиции науки и религии, на деле же, как замечает Лаатс, «настоящие разделения в мире американских креационно-эволюционных баталлий происходят не между учеными и строителями ковчега, а скорее между различными видами креационистов» (с. 11). Кроме того, все креационисты не только высоко ценят науку, но и неплохо ее понимают, что еще более усложняет картину. Далее в тексте автор показывает, чем младоземельные креационисты отличаются от староземельных, что общего имеет теистический эволюционизм и подход Разумного замысла и т. п. Особый интерес представляет то, как Лаатс выводит проблему креационизма из хорошо известного протестантского контекста и демонстрирует отношение к ней иных конфессий и религий. Хотя все верующие-монотеисты убеждены в реальности творения мира, то, как он был сотворен, – предмет активных споров и разделений. Так, известный и достаточно скандальный мусульманский публицист Харун Яхья придерживается радикальных антиэволюционистских позиций, в то время как руководитель мусульманского колледжа в Беркли шейх Хамза Юсуф согласует текст Корана с концепцией Разумного замысла. То же и у иудеев, например, раввин Носсон Слифкин в своих книгах показывает, как Бог сотворил мир через процесс эволюции, и в то же время идеи Слифкина были осуждены как еретические группой ортодоксальных раввинов. Дабы еще более подчеркнуть ложность упрощенного взгляда на проблему, Лаатс приводит истории признанных в академии учёных, таких как молекулярный биолог Кен Миллер или палеонтолог Курт Вайз. Кен Миллер, с одной стороны, критикует идеи Божественного замысла и младоземельного креационизма, но с другой – убежден в реальности творения Богом мира, а Курт Вайз получил образование в Гарвардской лаборатории, возглавляемой одним из ведущих борцов с креационизмом, и при этом остался убежденным младоземельным креационистом.

Обзор завершается т. н. «постмодернистским» типом креационизма, приверженцы которого не знают точно, во что они верят, но вместе с тем убеждены, что существующая научная атеистическая эволюционная теория не отвечает их чаяниям.

Хотя, согласно автору книги, креационизм – многообразное явление, его радикальная младоземельная разновидность все же является самой заметной. Именно ее истории и посвящена вторая глава «Эволюция радикального креационизма». Лаатс рассматривает становление американского фундаментализма в первой четверти XX века, фокусируясь на известных работах Джорджа Маккриди Прайса, который, несмотря на свое слабое образование, стал звездой фундаменталистских кругов, оформив базис позиции приверженцев буквалистского понимания Писания. Корни взглядов Прайса прослеживаются в радикальной адвентистской теологии, сочетающей в себе ортодоксальные элементы с гетеродоксальными. Позиция Прайса подается автором в контрасте со взглядами его современников – Уильяма Дженингса Брайана и Уильяма Райли. Если для баптиста Райли и пресвитерианина Брайна аллегорическая интерпретация повествования о творении была вполне допустима (хорошо известно, что на скандальном «Обезьяньем процессе» Брайн, хотя и опирался на буквалистские идеи Прайса, но отстаивал мысль о днях творения как эпохах), то в жесткой адвентистской теологии она была немислима. Вторым этапом в развитии радикального креационизма становится труд «Библейский потоп» Джона Уиткомба Младшего и Генри Морриса, именно он смог неразрывно связать представление об истинности буквального понимания творения в Писании с сохранением подлинного христианства, тем самым сделав адвентистскую теологическую идею основанием для объединения всех консервативных протестантских кругов. Значительную роль в процессе укрепления радикального креационизма сыграли споры вокруг возможности преподавания эволюционных идей в американских школах, начавшиеся после «Обезьяньего процесса» 1925 года. Лаатс рассматривает нюансы этого растянувшегося почти на столетие процесса и показывает, как наряду с продвижением эволюционных идей из преподавания плавно устранялись религиозные элементы, что с неизбежностью вело к обострению конфликта между верующими и атеистами и к поддержке верующими радикальных форм приверженности библейской истине.

Третью главу книги Лаатс начинает с самого сложного, на его взгляд, вопроса, который он делает основополагающим для всей работы: если американцы на самом деле не расходятся во мнениях по поводу эволюции, почему нам всегда кажется, что это так? Далее Лаатс пытается показать, когда разные группы вступают в спор по поводу верности креационных идей или необходимости изучения эволюционной теории, причиной для такого спора являются вовсе не идеи. По его мнению, в самой идее эволюции, предложенной Дарвином, нет ничего атеистического, ибо эволюция – закон, с таким же успехом можно считать атеистическим закон всемирного тяготения. Более того, даже ранние теологи-креационисты, такие как Чарльз Ходж, ничего не имели против встраивания этой теории в общий Божественный замысел, в то же время считая, что последовательное

развитие дарвинизма приводит к атеизму. С момента своей разработки теория Дарвина получила сильнейшее подтверждение со стороны генетики, что сделало ее своего рода догмой в современных научных кругах. Авторитетность эволюционизма позволила немалому количеству теологов выстраивать модели согласования христианской теологии и эволюционного мировоззрения. Лаатс проводит подробный обзор таких попыток, демонстрируя, что с самого появления теории Дарвина в христианстве развивалась традиция ее положительной рецепции. Таким образом, сама научная теория не может служить достаточным основанием для конфликта, но, согласно Лаатсу, «эволюция рассматривается не просто как научная идея, которая может быть верной, а может таковой не быть, но как инструмент, используемый секуляристами-интриганами для разрушения христианской веры и здоровых социальных норм» (с. 66). Именно то, как применялась теория, и то, в какой социальный контекст она встраивалась, и сделало ее камнем преткновения. Иными словами, «...настоящая проблема заключалась не только в эволюционной теории, но и во всем, что с ней связано» (с. 67). Обычно под этим подразумевалось рассмотрение человека как биологической машины и следующие из этого сексуальная распущенность, имморализм, преступность и т. п. Стало быть, проблема вовсе не в научности и обоснованности дарвинизма, а в том, что он воспринимается как оружие в разрушении цельного религиозного мировоззрения, включающего в себя как представления об общественной жизни, так и взгляды на мораль. Лаатс, используя значительное количество свидетельств из текстов протестантов-антиэволюционистов, показывает, что для них первоочередную роль играли последствия дехристианизации общества, которые они связывали с повсеместным принятием теории Дарвина. Особую роль в углублении этого конфликта сыграли образовательные школы. Агрессивное отношение школьных учителей, порой полностью игнорировавших религиозные взгляды их учащихся по вопросу происхождения человека, привело к созданию альтернативной образовательной системы в кругах протестантских фундаменталистов. Фактически споры вокруг эволюции стали катализатором, запустившим процесс оформления фундаменталистской субкультуры, вобравшей в себя далеко не только религиозные ценности. Автор книги демонстрирует, что современный американский креационизм борется за идею традиционного образования, строящегося на дисциплине, уважении к учителям, высоких моральных стандартах, отрицании современного отношения к сексуальности и мечте о великой Америке. По его мнению, «...многие американцы, придерживающиеся радикально-креационистского мышления, имеют в виду нечто большее, чем просто конкретную евангельскую теологию или научную теорию. Вместо этого они надеются снова сделать Америку великой и победить высокомерное поколение “экспертов”, беззаботно отбросивших их в сторону, как “достойных сожаления”» (с. 72).

Этот тезис развивается и в четвертой главе книги, где автор основательно разбирает историю становления фундаменталистского школьного образования и показывает, что его формирование является прямой реакцией на трансформацию и либерализацию государственного образования. Если обычное американское образование ставит своей целью «стремление научить студентов быть скептически

настроенными исследователями, вникать в знания с открытым умом» (с. 77), то фундаменталистское образование видит в просвещенном скептицизме прямую дорогу к атеизму. Лаатс убедительно показывает, что креационизм в таких школах встраивается в общую систему христианского мировоззрения, которое воспринимается гонимым и притесняемым в современном атеистическом мире, таким образом у школьников создаётся ощущение, что они являются частью притесняемого меньшинства, героически борющегося за истину. Автор выражает эту мысль следующим образом: «Когда учащиеся идут в креационистские колледжи, они часто изучают альтернативное современному мировоззрение истинной религии, общую религиозную идею, ничего прямо не говорящую о креационизме или эволюции, но это само по себе создает интеллектуальный мир, в котором радикальный креационизм является очевидным выводом» (с. 85). При этом для родителей такие школы позиционируются прежде всего как безопасные, лишённые всего того имморализма, который становится нормой в окружающем мире, в особенности после 1960-х годов, когда из образования в Америке последовательно удаляются религиозные элементы, а общий фон становится либеральным. На практике такая установка проявляется в жесткой дисциплине и неукоснительном соблюдении правил, принятых в таких учебных заведениях. Согласно Лаатсу, креационизм не есть отрицание какой-то научной теории, он является отрицанием современного типа мышления, прежде всего о религии, обществе и в последнюю очередь о науке. Завершается глава кейсом Креационного музея, одного из самых масштабных пропагандистских проектов американских фундаменталистов. Автор книги отмечает, что наряду с последовательным отстаиванием идеи о творении Богом мира немалое место в структуре музея занимают композиции и инсталляции социального характера, демонстрирующие различные формы имморализма и деградации современного общества, лишённого правильного представления о духовности. В этой главе также есть место обширному теолого-историческому экскурсу, на этот раз в историю американского диспенсализма, ставшего основанием для отрицания открытий в современной науке. Диспенсализм, строящийся вокруг представления об эпохах в развитии человечества, предполагает, что в каждой из них действовали свои уникальные законы, следовательно, законы нашего мира, эпохи после пришествия Христа, не могут проецироваться на допотопные или послепотопные времена, существовавшие по своим особым правилам.

Пятая глава книги посвящена деконструкции убеждения, что креационизм неразрывно связан с малыми научными знаниями или убежденным антисциентизмом, которое особенно стало популярно благодаря пропаганде новых атеистов. Лаатс настаивает на том, что проблема креационизм/эволюционизм связана не со знаниями, а с верой. Он убедительно показывает, что столь распространенная в журналистской среде ссылка на социологические опросы, в которых респонденты выбирают ответы, выявляющие их отрицание эволюции, является следствием неверного построения вопросов, сводящих проблемы к вере. Креационисты прекрасно знают теорию эволюции, более того, она является необходимой частью их образования, просто они не верят в ее реальность. Если

смотреть на проблему широко, как это и делает автор книги, то подавляющее большинство людей, как ученых, так и не ученых, как атеистов, так и верующих, не понимает сути теории эволюции. Практически всегда они стремятся связать процесс эволюции с некоей целью развития (у жирафа появляется длинная шея, чтобы он мог дотягиваться до высоко висящего корма), тогда как на деле теория предполагает слепой бесцельный процесс, в котором сохраняются лишь те элементы, которые вписываются в окружающую среду, остальные же выбраковываются. Используя известные исследования современной когнитивистики, Лаатс демонстрирует, что представление о бесцельном слепом процессе эволюционного развития контринтуитивно и не соответствует базовым принципам познания, иными словами, каждый человек – креационист от природы. Таким образом, «жизненно важный раскол происходит не между знатоками и невеждами, а между людьми, которые доверяют авторитету ведущих ученых, и теми, кто этого не делает» (с. 124).

Идея веры как основания для разделения между креационистами и эволюционистами подчеркивается и в шестой главе, где автор анализирует миссионерские стратегии, которые оказываются напрямую связанными с проблематикой этих споров. Распространенным в культуре креационизма является язык обращения, аналогичный, а порой и совпадающий с обращением религиозным. В книге приводится три формы такого обращения: из младоземельного креациониста в эволюционного, из индифферентного агностика в младоземельного креациониста и из креациониста в эволюциониста-атеиста. Причем последний тип не основывается на реальных историях, а является лишь желаемым образом, который активно продвигается в трудах новых атеистов. По мнению Лаатса, вся атеистическая просветительская работа в реальности не оказывает никакого эффекта на верующих людей, в отличие от внутрирелигиозной полемики, которая зачастую может перевести человека из одного лагеря креационистов в другой. Атеистом человек становится не из-за новых знаний, а по личным причинам, чаще всего морального характера. Фактически современных новых атеистов Лаатс приравнивает к верующим, утверждая, что Дарвин – их пророк. Эту главу автор завершает пространными размышлениями о том, что все миссионерские ходы и риторика обращения чрезвычайно вредит углубленному пониманию проблемы и мешает реальному образованию, в частности, замечая: «Несмотря на активную полемику новых атеистов, государственные учреждения никогда не должны вторгаться в религиозные убеждения людей, если эти убеждения не причиняют прямого вреда другим. Даже намек на то, что студентам-креационистам нужно “верить” в теорию эволюции или что мейнстримная наука – единственная легитимная вещь, в которую можно “верить”, заставляет государственные школы играть совершенно неправильную теократическую роль. Разговоры о “вере” в эволюцию просто втягивают государственные институты в изначально религиозный конфликт. Может показаться незначительным, но если вместо этого мы станем говорить о “знании” эволюционной теории, то сможем обойти худшие крайности традиции обращения и сосредоточиться на реальном образовании» (с. 147).

Завершающая глава книги вновь возвращает читателя к вопросу о том, насколько научен креационизм. Лаатс доказывает, что, несмотря на всю борьбу с

общепринятой эволюционной теорией, ученые-креационисты отнюдь не являются антисциентистами, они так же, как и другие ученые занимаются наукой, просто видят ее под другим углом. Чтобы доказать это, автор книги анализирует уровень публикаций и специфику подачи материала радикальных креационистов, делает обзор организации Креационного музея и приходит к выводу, что все здесь строится по лекалам традиционной науки. Создавая креационную науку, ее адепты не хотят заменить традиционную, они считают, что своими разработками возвращают традиционную науку в ее изначальное русло. Эти рассуждения заставляют автора вновь вернуться к проблеме образования. Лаатс обосновывает идею, что призыв к светскости образовательной системы вовсе ни подразумевает ее атеистичности, светскость предполагает абсолютную мировоззренческую нейтральность, позволяющую обучающимся получать объективные знания, лишённые какого-либо оценочного багажа. Вот как он выражает эту мысль: «Нам никогда не нужно соглашаться с конечной религиозной целью эволюционного образования. Как и все религиозные идеи, религиозные идеи, связанные с эволюционной теорией, должны держаться за порогом школы. И этого хотят не только креационисты. Всем нам необходимо признать нашу общую заинтересованность в поддержании действительно нейтральных к религии школ, школ, которые активно приветствуют религиозное разнообразие среди учащихся, а не просто неохотно терпят его» (с. 172).

Говоря о книге в целом, стоит заметить, что, несмотря на широкий охват материала и глубокую аналитичность отдельных положений, текст написан достаточно неровно. Автор не единожды возвращается к одним и тем же сюжетам, темам и аргументам в разных главах. Тематика школьного образования, хоть и заявленная в форме подзаголовка, порой не очень уместно смотрится в главах, фиксирующихся на общих мировоззренческих вопросах. Также очевидно, что книга Лаатса очень личная, в ней часто встречаются обороты, недвусмысленно показывающие отношение автора к теме, много впечатлений и оценок. Так, он отмечает, что на его критику как-то отвечал даже лидер современного радикального креационизма Кен Хэм, часто пишет о реакции общественности на те посты, которые он помещает в своем блоге. Лаатс позиционирует себя нерелигиозным скептиком, находящимся как бы вне рассматриваемого им движения, и, пожалуй, именно эта отстраненная заинтересованность придает книге глубину. При этом личная позиция порой выдает специфическое мировоззрение. Например, когда автор описывает строгость правил фундаменталистских учебных заведений, то, в частности, приводит следующий случай: «На Западном побережье руководители университета Биола в 1966 году отчислили студента. Его преступление? Студент “признался по меньшей мере в двадцати пяти гомосексуальных актах”» (с. 82). Этот пример вписывается в большой перечень, который подается Лаатсом, дабы показать ригористичность и несовременность взглядов фундаменталистов в стиле советской рубрики «Их нравы». Но вспомним, в 1960-е в Америке с гомосексуализма лишь совсем недавно был снят статус психической болезни, и нормой он еще далеко не считался. Таких суждений, которые должны сформировать у читателя ироничное отношение к фундаменталистским кругам, в тексте немало, хотя, как кажется,

такую иронию автора может разделить далеко не каждый, зато его взгляды, наверное, могут считаться вполне современными.

Теперь кратко остановимся на сопоставлении двух работ, вышедших в 2020 году и посвященных креационизму. Если книга Лаатса является многоуровневым проникновением в суть креационистского мировоззрения, то работа Бенджамина Хаскинсона ставит целью построение социальной истории креационизма, серьезно не углубляясь в ее идейную составляющую. Зато Хаскинсон последовательно и четко излагает историю креационизма, выделяя ее ключевые этапы, описывает его политические, экономические и социальные аспекты, в его книге больше фактического материала, чем в работе Лаатса. При этом оба автора сходятся на том, что креационизм – сложное многостороннее явление, требующее аккуратного рассмотрения и глубокой дифференциации. Хаскинсон описывает эту проблему следующим образом: «Разница между тем, что значит слово “креационизм”, и тем, на что оно указывает, привела к ситуации, когда теологические креационисты, сторонники креационной науки и антиэволюционисты используют одно и то же слово, но в разных значениях: одни, чтобы описать веру в Творца, другие – для геологии Потопа, а третьи – для описания антиэволюционистской перспективы»⁸. Оба автора указывают на связанность креационных идей с моральными и политическими убеждениями, оба являются внешними по отношению к исследуемому объекту скептиками, выражающими свое личное мировоззрение в текстах.

Подытоживая этот обзор, заметим, что появление в зарубежных кругах метаисследований на тему соотношения креационизма и эволюционизма – отрадный факт, эта проблема уже давно нуждалась в хорошем историко-культурном обзоре. К сожалению, ни одна из указанных книг по отдельности не может претендовать на всесторонность ее освещения, но вместе они могут быть удачным подспорьем, вводящим читателя как в историю проблемы, так и в ее идейные основания.

Носачев П.Г. (ПСТГУ; МДА)

⁸ *Huskinson B.L. American Creationism, Creation Science, and Intelligent Design in the Evangelical Market. London: Palgrave Macmillan, 2020. P. 107*